

А. М. ИВАНОВ

ТРИУМФ САМОУБИЙЦ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ТОЛЕНБУРГ

МОСКВА 2022

УДК 94
ББК 63.3(2)524
И20

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Иванов А. М.

И20 Триумф самоубийц. Первая мировая война и февральская революция. — М.: Тотенбург, 2022. — 236 с.

ISBN 978-5-9216-2400-9

Эта книга, написанная философом, переводчиком и русским публицистом национального направления Анатолием Михайловичем Ивановым в 1973–1974 годах, посвящена разоблачению мифов, распространенных в те времена относительно Первой мировой войны, но не изжитых и сегодня.

Миф 1. Россия спровоцировала Первую мировую войну, поскольку агенты русской разведки стояли за спиной устроителей убийства в Сараеве.

Миф 2. Россия потерпела поражение в Первой мировой войне. Россия терпела поражение только в первый год этой войны, а через год она оправилась, перехватила инициативу и к началу 1917 года, по словам Черчилля, выиграла войну на Восточном фронте. Плодов победы лишила ее революция, как нас лишили плодов победы 1945 года события 1991–1993 годов.

Миф 3. Миф о Распутине как о всесильном временнике, использовавшийся подрывной пропагандой для компрометации царской семьи. В действительности Распутин вовсе не был таким всесильным, каким его изображали.

Миф 4. Февральская революция как стихийный солдатский бунт. В действительности имел место заговор в верхах, включавший высших военных, целью которого было устранение царя. Тайные общества, которые преследовали свои цели, направляя заговорщиков на царя, уверяя их, будто он собирается заключить секретный договор, хотя на самом деле это было ложное обвинение.

В этой книге мифам противопоставляются факты, а актуальность остаётся злободневной.

**УДК 94
ББК 63.3(2)524**

ISBN 978-5-9216-2400-9

© А. М. Иванов
© Издательство «Тотенбург», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	
К «ТРИУМФУ САМОУБИЙЦ».....	4
ЧАСТЬ 1. ВОЙНА ИЗ-ЗА ПРИНЦИПА.....	10
ЧАСТЬ 2. ОТ ПОРАЖЕНИЙ — К ПОБЕДАМ	39
ЧАСТЬ 3. МИФ О РАСПУТИНЕ.....	107
ЧАСТЬ 4. УДАР В СПИНУ	174

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ТРИУМФУ САМОУБИЙЦ»

Эта работа была написана в основном в 1973 году и закончена в январе 1974 года. Стимулом для ее написания послужили беседы со старым осетином, Александром Петровичем Хасиевым, депутатом I Съезда Советов от солдат-фронтовиков. Когда ему на этом съезде показали Ленина, он спросил: «А кто это такой?» Он даже не знал, кто такой Ленин, хотя и был депутатом.

А. П. Хасиев рассказывал, что в феврале 1917 года хлеб в Петрограде был, хлебный кризис был вызван искусственно, чтобы возбудить недовольство. И не было стихийного военного бунта, был заговор с целью сместить неугодного монарха. «Думали сдвинуть лишь один маленький камешек, а рухнула лавина», — говорил он.

Вторым поводом для написания этой работы стала моя полемика с А. И. Солженицыным на страницах самиздатского журнала «Вече» о его романе «Август Четырнадцатого». Солженицын в этом романе дал неверную оценку военного и политического значения поражения русских войск в Восточной Пруссии в августе 1914 года. Солженицын тогда обиделся, написал нам, что «статья Скуратова смыкается с официальной травлей» («Скуратов» это был мой подпольный псевдоним, взятый не в честь Малуты, а в честь моей рязанской бабушки), что нас весьма удивило — ведь мы критиковали его с совсем противоположных позиций. Он тогда считал, что

Февраль это хорошо, а Октябрь плохо, что второй был логическим продолжением первого, он понял, по его собственному признанию, с опозданием на пять лет, а мог бы понять и раньше, если бы лучше разбирал, где право, где лево, а не считал для себя оскорблением любую критику.

Начинать работу о Первой мировой войне и Февральской революции следовало с формального начала этой войны — с сараевского убийства. Первая глава называется «Война из-за Принципа» по имени молодого сербского националиста Гаврило Принципа, который убил австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда. На Западе широко бытует версия, будто убийство было организовано русской военной разведкой — на Западе всегда во всём виновата Россия, что мы и сегодня видим. И в Советском Союзе разделяли эту версию во времена господства школы Покровского, когда принято было охаивать всё русское прошлое. Сталин лишь в 1934 году начал исправлять этот крен. Подлинную подоплеку сараевской трагедии раскрывают югославские историки, в частности, В. Дедиер, монументальный труд которого на эту тему широко использован в данной работе.

Вторая часть данной книги называется «От поражений — к победам». Сначала в ней повторяется более подробный разбор упомянутого романа Солженицына, а потом дается общая оценка хода этой войны на Восточном фронте. Царское правительство резко критиковали за поражения в начале этой войны, за пресловутую нехватку снарядов, хотя последняя была общеевропейским явлением. Просчитались все, потому что думали, будто война будет быстрой. Что же касается поражений, то самым тяжелым для России был 1915 год, а в следующем году

ситуация выправилась, русская армия не терпела больше поражений, а наоборот, перехватила инициативу, и к началу 1917 года царский режим, который «все поносили» (известно, кто именно эти «все») выиграл войну для России, как сказал У. Черчилль.

Мне пришлось пересмотреть ту роль, которую сыграл Николай II в этой войне, став главнокомандующим, роль, которая отнюдь не была негативной, реабилитировать, так сказать, царя (и это в 1974 году!). Я показал, какие военные таланты проявили наши полководцы и флотоводцы, Алексеев и Юденич, Эссен и Колчак, что мне тоже потом ставили в вину («Докатились, Юденича восхваляете!»)

Россия не проиграла войну на фронте, она проиграла ее в тылу, и это не было случайностью. В первое послеоктябрьское десятилетие принято было очернять царскую Россию, а теперь ее изображают сплошь в розовом свете, сплошная благодать, купола-колокола, а если и случалась беда, то виной всему «происки темных сил», имевшие успех «по попустительству Божию за грехи наши». Но бактерии оказывают болезнетворное действие, когда ослаблен иммунитет. Общественный строй прогнил, он нуждался в коренных социальных и политических преобразованиях, но был на них заведомо не способен. В теории систем такие системы называют «жесткими», они кажутся невероятно стабильными, но при попытках их реформирования, когда того требует ситуация, они быстро ломаются. То же самое случилось и с Советским Союзом.

Но тогда, в Первую мировую войну, гниль видели не там, где она на самом деле была, а там, куда тыкала управляемая определенными кругами пропаганда. Этой теме посвящена третья глава — «Миф о Распу-

тине». В те времена Распутина изображали как полно-властного хозяина России, сегодня делают из него чуть ли не святого, но это тоже очередной миф. Я подошел к этой теме, не имея какой-то предвзятой мысли о Распутине, и пришел к выводу, что методом, который применяла вышеупомянутая пропаганда, было целенаправленное раздувание роли, которую якобы играл Распутин в управлении государством, и убедился, что она не соответствовала его реальной роли. Единственной целью было забрызгать грязью царственных особ, масоны всегда ловко использовали для этого любой скандал, как, например, историю с «ожерельем королевы» накануне Великой Французской революции. И когда неумные защитники трона убили Распутина, пытаясь спасти монархию, они этим ничего не спасли, потому что поразили фантом.

И последовал реальный «Удар в спину». Я назвал так четвертую главу, копируя немецкий термин *Dolchenschlag* — им немецкие патриоты объясняли поражение Германии в войне. И русская армия тоже начала снова терпеть поражения после переворота, хотя отнюдь не к тому стремились его организаторы.

А к чему они стремились? Хотели, как говорил А. П. Хасиев, сдвинуть только один маленький камешек, а рухнула лавина, которая похоронила под собой и их самих. Их победа стала триумфом самоубийц — потому так и называется книга.

Они этого не ожидали. К власти пришли либералы, все такие ученые, такие народо- и человеколюбивые, они многое знали, не знали только, как с этой властью обращаться, и в два счета развалили армию, а потом и всю страну. Такого же «успеха» достигли либералы и в 1991 году, природа либералов не меня-

ется. Как гласит немецкая пословица Ein Hundret Professoren — das Vaterland ist verboren¹.

А они ещё, в угоду своим французским братьям-масонам, погнали в наступление армию, разложенную приказом Советов № 1. За Веру, Царя и Отечество эта армия ещё не умела воевать и побеждать, а кому хотелось умирать за Керенского?

За царя... И тут рождается монархический миф: всё дело в том, что царь был слабый, вот если бы он... Царь был вовсе не таким слабым, каким они его изображают себе в утешение, он держался до последнего, но что он мог сделать, какое «если», видя кругом измену? Что он мог сделать, когда его отречения потребовали начальник Генерального штаба и все командующие фронтами? У нас правящая верхушка не раз расправлялась с царями, как с Петром III или Павлом I. Николая I она только предала, дав возможность расправиться с ним другим.

А в 1991 году? Картина была совсем иная. У власти стоял не монарх милостью Божьей, а козел-провокактор, и хотя все уже понимали, кто он такой, правящая группировка поддерживала его до конца и ушла в небытие вместе с ним. Почему она не нашла в себе сил скинуть его, как Хрущева в 1964 году? Только небольшая группа членов ГКЧП попыталась сделать это, но в стране уже складывался второй центр власти вокруг Ельцина, у этой группы решительных людей не хватило решимости последовать примеру, поданному Дэн Сяопином в 1989 году, а профессиональный предатель предал своих Ельцину, который тут же его и выкинул.

¹ «Сотня профессоров — и Родина погибла» (нем.)

Как говорил К. Маркс, история повторяется дважды, сначала как трагедия, потом как фарс. Как в 1917 году, так и в 1990-х после революционного хаоса установились авторитарные режимы. Но если первый внес новую струю в историю, то второй живет с головой, повернутой назад, и изо всех сил пытается имитировать царскую Россию 1905–1917 годов, рискуя кончить как она.

Сегодня некоторые комментаторы, выступающие по Интернету, усматривают аналогии между нынешней ситуацией и той, что сложилась в России к октябрю 1916 года. Затяжная война, экономический кризис, но если тогда у нас были союзники на Западе, то больше у нас их там нет, и это усугубляет ситуацию, так что правящий класс может захотеть прибегнуть к привычному способу — убрать «один маленький камешек». Что за этим последует, они не предвидят.

Я думаю, эта книга, написанная 50 лет назад, остается очень злободневной.

ЧАСТЬ 1

ВОЙНА ИЗ-ЗА ПРИНЦИПА

Наверное, не случайно фамилия молодого боснийского террориста напрашивается на каламбур. История словно хотела предупредить, как дорого может обойтись принцип, если следовать за ним слепо, возводить его в ранг божества, которому можно приносить сколько угодно человеческих жертв. И всё равно люди ничему не научились. «Патриа о муэрте!» — истошно кричат одни, будучи абсолютно убеждёнными в том, что их миниатюрная «патриа» стоит ядерной мессы, и пусть погибнет весь мир, но зато восторжествует идея. Другие не произносят громких слов, заменяя их громкими делами: пока что они подвергают опасности жизни сотен ни в чем не повинных людей, не имеющих никакого отношения к конфликту, из-за которого горит сыр-бор, и лишь по воле случая оказавшихся на бор-

ту обречённого самолёта, но и в этом случае очередная «патриа» может дорого обойтись всему человечеству. Не менее ненасытны и принципы, под знаменем которых расцветает религиозная рознь и вершится классовая борьба.

Снова и снова суббота ставится выше человека, как будто никто и не утверждал обратную зависимость...

Но вернёмся от принципов, которым положено писаться с маленькой буквы, к Принципу с большой буквы, но не с краденой, как у горьковского ночлежного человека, а с собственной, родовой, — к конкретному лицу, Гавриле Принципу, гимназисту-недоучке, родившемуся 13 июля 1894 г. в крестьянской семье в Грахове.

О причинах Первой мировой войны написано достаточное количество толстых книг. Повод же принято считать чем-то второстепенным. Была бы, как говорится, причина, а повод приложится. Но оправдано ли с методологической точки зрения такое пренебрежительное отношение к поводу? Ведь и до сараевского убийства случались конфликты, порождающие напряжённость, но ни один из них всё же не привёл к мировой войне. Можно сделать два предположения: либо ситуация к 1914 г. стала настолько угрожающей, что малейшая искра могла вызвать взрыв, либо требовался всё же достаточной силы разряд, дабы сдвинуть историю с места. Относительно первого варианта можно сослаться на сообщение Сухомлинова, что в начале 1914 г. в русском военном министерстве войны не ждали². И подобную близорукость проявляли не только рус-

² Сухомлинов, В. А. Воспоминания. — Берлин, 1924. — С. 221.

ские военные. Все европейское просвещённое мещанство полагало, что наступила пора мира и разума, когда уровень военной техники делает невозможной войну, а все конфликты будут решаться путём переговоров. До поры до времени казалось, будто так оно и есть: случились два марокканских кризиса — уладили, случилось два-три кризиса на Балканах — тоже уладили, и общество привыкло благодушествовать, оставляя политику на усмотрение дипломатов и надеясь на их умение и компетентность. Такое же настроение царило и летом 1914 г., все думали, что и на этот раз пронесёт.

Почти 60 лет минуло с тех пор, а иллюзий у человечества не убавилось.

В обстановке, когда грозы не ждали, кто-то должен был хорошо рассчитать и силу разряда, и точку, в которую его нужно направить. Этой точкой стал живой человек — наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд.

Императору Францу-Иосифу (1848–1916) вообще не везло с наследниками: первый из них, его брат Максимилиан, поплатился жизнью в 1867 г. за попытку стать мексиканским императором. Второй наследник, сын Франца-Иосифа Рудольф, покончил с собой в 1889 г. Третий — брат Франца-Иосифа Карл Людвиг — умер в 1896 г. от тифа, напившись из священной реки Иордан. Франц Фердинанд (р. 18 декабря 1863 г.) был старшим сыном Карла Людвига. Преодолев сильное сопротивление двора, Франц Фердинанд женился по любви на графине Софье Хотек, отказавшись ради этого от права своих детей наследовать престол, титул и привилегии.

Почему удар был направлен именно против Франца Фердинанда? Наиболее частое объяснение таково, будто Франц Фердинанд возглавлял военную и антиславянскую партию в Австрии. Именно эта мысль была внушена Принципу и его друзьям. Но ставшие теперь известными факты позволяют со всей ясностью установить лживость этой версии и опять поставить вопрос о её происхождении и о тех, кому было выгодно её распространение.

Г. Принцип (1894–1918)

Лоскутная Австро-Венгерская монархия находилась в состоянии перманентного кризиса. Даже Венгрия, завоевавшая себе привилегированное положение, оставалась источником беспокойств, что уж говорить об областях, населённых другими народами. Именно трения с Венгрией склонили Франца Фердинанда в сторону идеи триализма, то есть замены двуединой монархии триединой. Третьим компонентом должно было стать южнославянское государство, способное служить противовесом венграм, как в 1848 г., когда Россия помогла Австрии. На этой основе Франц Фердинанд хотел найти общий язык с Николаем II и попытаться восстановить союз трёх императоров. «Полное согласие с Россией и союз трёх императоров, сохранение мира и утверждение монархического принципа, — писал он, — вот мой жизненный идеал, за который я буду бороться всеми своими

силами». «Я никогда не поведу войну против России. Я пожертвую всем, чтобы этого избежать потому, что война между Австрией и Россией закончилась бы или свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий»³.

«Война с Россией означала бы наш конец. Если мы предпримем что-нибудь против Сербии, Россия встанет на её сторону, и тогда мы должны будем воевать с русскими. Австрийский и русский император не должны сталкивать друг друга с престола и открывать путь революции»⁴.

Франц Фердинанд прямо указывал и тех, кому выгодна такая война, предупреждая рвущегося в бой генерала Конрада фон Гетцендорфа: «Войны с Россией надо избегать потому, что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов»⁵.

Итак, слово было произнесено, враг назван по имени.

Он действовал и вне империи, и внутри её, что с горечью признавал сам Франц-Фердинанд: «Монархия — в руках евреев, масонов, социалистов и венгерцев, которые ею правят»⁶.

Прийти к этой идее было нетрудно, она носилась в воздухе. Франц Фердинанд как верующий католик чутко относился к мнению Ватикана, а там в 80-е годы прошлого века при папе Льве XIII (1878–1903) ожил антисемитизм, причём особенно усердствовали

³ Дедиер, В. Сараево. 1914. — Белград: Просвета, 1966. — С. 249.

⁴ Там же, с. 247.

⁵ Фей, С. Происхождение мировой войны. Т. 2. — М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. — С. 8–9.

⁶ Там же.

иезуиты и их орган «Чивильта Каттолика». Евреи, масоны и протестанты объявлялись виновниками французской революции, а идея равенства — их тактическим приёмом. Иезуит Герман Грубер издал трёхтомный «Меморандум об участии масонов в современных революционных движениях после 1776 г.», где приписал масонам революцию в Бразилии 1889 г., восстание на Кубе 1899 г., португальскую революцию 1901 г. и младотурецкую революцию 1909 г. В Австрии эти идеи проводил поддерживаемый Франц Фердинандом лидер социально-христианской партии, венский бургомистр Карл Люгер (1844–1910), которого Гитлер в «Майн Кампф» назвал «величайшим немецким бургомистром всех времён».

Понятно, что такой человек, как Франц Фердинанд, мешал. И понятно, кому он мешал. Поэтому неудивительно, что в *Revue des Societes Secretes* (р. 788, 1912) появилось предсказание одного масонского деятеля: «Эрцгерцог осуждён и умрёт на пути к трону»⁷.

Но судьи, тем паче масонские, не любят сами приводить в исполнение свои приговоры. Очень удобно в таких случаях иметь под рукой людей, действующих вроде бы по совсем иным побуждениям, чтобы потом можно было доказать свою непричастность. Зверем, бежавшим на ловца, оказалось в этой ситуации освободительное движение южных славян.

Яблоком раздора между Сербией и Австро-Венгрией были Босния и Герцеговина, оккупированные двуединой монархией в 1878 г. и аннексированные в 1908 г. Эта аннексия вызвала взрыв негодования и подъем патриотических чувств в Сербии. Была

⁷ Там же, с. 69.

создана организация «Народна Одбрана», начавшая формировать отряды добровольцев. Но война тогда не состоялась, и сербское правительство старалось ввести деятельность этой организации в легально-культурные рамки. Те же, кто остался неудовлетворен и разочарован, основали тайное общество «Уйединенье или смерть», именуемое в историческом просторечье «Черной рукой».

Из руководителей этого общества наиболее известен полковник Драгутин Димитриевич, прозванный за свою физическую силу Аписом, колоритная фигура сербской истории. В 1903 г. он был одним из самых активных участников государственного переворота и убийства короля Александра Обреновича и его жены Драги, а в 1913–1915 гг. возглавлял разведку сербского генерального штаба. Но инициатива принадлежала не ему, а некоему штатскому по имени Люба Йованович Чупа, который учился в Брюсселе, вступил там в масонскую ложу и «играл большую роль в основании общества “Уйединенье или смерть”», гораздо большую, чем до сих пор предполагали⁸.

Организация оформилась к маю 1911 г. В её руководство вошли из штатских Йованович Чупа и православный клерикал Б. Раденкович, связанный с младотурками, и 5 офицеров во главе с Аписом, обширные связи которого позволили ему продвинуть своих людей и в руководство «Народной Одбраны», куда проник капитан М. Васич.

Встречное движение формировалось в самой Боснии. Здесь возникло тайное студенческое общество «Свобода» во главе с Богданом Жераичем, который в июне 1910 г. неудачно покушался на губер-

⁸ Дедиер, В. Цит. соч., с. 623.

натора Боснии генерала Варешанина и тут же застрелился. Две других наиболее известные фигуры — Данило Илич и Владимир Гачинович. Последний заслуживает особого внимания.

На Гачиновиче сходилась много связей. Во-первых, он принадлежал к боснийскому кружку Илича — Принципа. Во-вторых, он вступил в члены обеих сербских организаций — «Народной Одбраны» и «Черной руки». Гачинович очень ценил Иовановича Чупу, называл его «Мадзини молодой Сербии» и поддерживал с ним связь. В-третьих, именно через него шел контакт с русскими революционерами, к которым влекла Гачиновича его горячая любовь к Бакунину. В Швейцарии он познакомился с Натансоном, а через него — с Луначарским и Мартовым. Особенно близкие отношения возникли у него с Троцким, с которым он, очевидно, впервые встретился ещё во время балканских войн, когда Троцкий подвизался в Сербии в качестве журналиста, и с С. Кибальчичем (Виктором Сержем) — племянником Н. Кибальчича и ярым русофобом (интересно, не он ли послужил Солженицыну прототипом для создания образа Ленартовича?). Позже Гачинович встретился в Швейцарии с Радеком и, как утверждает брат Гачиновича, Воислав, с Лениным, но другие источники не содержат никаких сведений на этот счет⁹. Натансон, уезжая в Россию в 1917 г. вместе с Лениным, приглашал Гачиновича с собой и, вероятно, увёз его архив. Пока Гачинович разъезжал по Европам, его влияние в Боснии стало слабеть, поскольку новое поколение Гачиновича не знало. Но связующим звеном между поколениями оставал-

⁹ Там же, с. 304.

ся учитель Д. Илич, в доме которого в 1907 г. квартировал Принцип.

В 1913 г. новый губернатор Боснии генерал Потиорек ввёл чрезвычайные меры, и Илич стал думать о повторении подвига Жераича, как вдруг Гачинович вызвал его в Швейцарию, и Илич поехал. Ряд авторов, считающих, что Гачинович играл самую главную роль в организации сараевского убийства, связывают эту поездку с тем, что Гачинович узнал о готовящемся покушении на Потioreка¹⁰.

Дальнейшие действия Гачиновича покрыты мраком неизвестности. Существует очень смутная и противоречивая версия о каком-то таинственном совещании, проведенном Гачиновичем в Тулузе в январе 1914 г. с представителями боснийской группы Мехмедбашичем и Голубичем, так же, как и он, связанными с «Черной рукой». Якобы именно эти лица по инициативе, исходившей от ближайшего помощника Аписа майора В. Танкосича, предложили совершить покушение не на Потioreка, а на Франца-Фердинанда. Но Гачинович почему-то не очень надеялся на помощь «Черной руки» и пытался своими силами достать оружие в Париже через Бурцева, одновременно пригласив Принципа приехать в Лозанну.

Между тем у Принципа были свои планы. Сначала он тоже нацеливался на Потioreка¹¹. С этими мыслями он и приехал в Белград в январе 1914 г., где поделился ими со своим приятелем Неделько Чабриновичем (р. 1895 г.) — типографским рабочим, сыном сараевского кабатчика, а также ещё с двумя боснийскими знакомыми — Буковацем и Шарацем. Послед-

¹⁰ Там же, с. 461.

¹¹ Дедиер, В. Цит. соч., с. 462.

ние через некую темную личность по имени Милан Циганович довели замысел до ушей майора Танкосича.

И здесь опять была выдвинута идея о покушении на Франц Фердинанда, а не на Потioreка. На суде и Принцип, и Чабринович заявили: Циганович сказал, что масоны уже в 1913 г. постановили убить эрцгерцога. По их сведениям, Циганович и Танкосич — члены масонской ложи в Белграде¹². Эта ложа была основана в 1908 г., а спустя пять лет возведена в ранг Высшего совета 33-й степени — самой высокой в Шотландском масонстве (соответствует французской степени Кадош). Именно Циганович передал трем террористам (третьим был сын священника Трифко Грабеж, перешедший, по его собственному признанию, от христианской веры к вере в нацию) 6 бомб, 4 револьвера с 7 зарядами, 4 магазина по 6 пуль и цианистый калий. Именно он обучал их стрельбе, поскольку ни один из заговорщиков не умел владеть оружием.

28 мая Принцип, Чабринович и Грабеж покинули Белград (Грабеж перед отбытием встретился с самим Танкосичем). Пограничная стража, выполняя приказ «Черной руки», помогла им перейти границу, и 4 июня они прибыли в Сараево. 28 июня в Видовдан, день Косовской битвы, группа террористов из шести человек поджидала Франца Фердинанда. Первым неудачно бросил бомбу Чабринович. Зато Принципу «повезло»: непредвиденная остановка позволила ему чуть ли не в упор расстрелять эрцгерцога и его жену. Главными исполнителями покушения стали двое девятнадцатилетних юнцов с явным ком-

¹² Фей, С. Происхождение мировой войны. Т. 2. — М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. — С. 69.

плексом неполноценности и психопатической жажды славы. Принцип во время балканской войны набивался в отряд к Танкосичу, но был отвергнут, как слабак, чего он никогда не мог простить Танкосичу и потому обязательно хотел доказать, что тот допустил грубую ошибку, не оценив молодого патриота по достоинству. Чабринович же слыл среди своих болтуном, никто, в том числе и Принцип, не относился к нему серьёзно, и этому баламуту тоже непременно хотелось доказать, что он не хуже других.

Те, кто непосредственно шли на риск, понесли кару. По Сараевскому процессу были осуждены 16 человек, из них троих, в том числе Д. Илича, казнили. Принцип, Чабринович и Грабеж получили по 20 лет, поскольку к моменту преступления им ещё не было двадцати, а по австрийскому закону смертная казнь к ним не могла быть применена. Никто из них не дожил до освобождения. Последним умер Принцип — 28 апреля 1918 г.

Ну а остальные, управлявшие заговором на расстоянии? Танкосич погиб на войне в 1915 г. Апис был арестован по приказу сербского правительства в декабре 1916 г. Новый король решил не ждать, пока его постигнет участь старого и устроил липовый процесс, резонно опасаясь, что раньше, чем соберутся действительные улики, можно и потерять голову. По приговору суда Апис был расстрелян 26 июня 1917 года.

При загадочных обстоятельствах закончил свою жизнь Владимир Гачинович. В августе 1917 года он внезапно заболел. Швейцарские врачи дважды делали ему операцию, подозревая то одно, то другое, и каждый раз ничего не обнаруживали. 11 августа Гачинович умер. Троцкий почтил его память некрологом. Имело ли место отравление? Ин-

интересно, что уже за год до этого Гачиновичу угрожал его прежний соратник Голубич, а вожак далматских студентов Черина специально приехал в Женеву, чтобы убить Гачиновича, которого считал «виновным во всем». Но в чем — «во всем»? Ведь сараевское покушение состоялось, а его участники были арестованы на месте и потом сами выдали сообщников, значит, здесь Гачинович ничем не мог повредить. И оправдывался он как-то странно: «Я сказал только Троцкому»¹³. Что мог сказать Гачинович Троцкому? Очевидно, речь шла о готовящемся покушении и каких-то связанных с ним обстоятельствах, до сих пор остающихся в тайне, поскольку тех, кто слишком много знает, беспощадно убрали.

Эту тайну пытался приоткрыть Радек, когда на московском процессе 1937 года вдруг заявил: «Я хотел бы также рассказать о том, что Ленин... говорил о тайне войны в своём письме, в директивах, которые он дал делегации, намеревавшейся ехать в Гаагу. Одна часть этой тайны была в руках молодого сербского националиста Г. Принципа, который предпочёл умереть в тюрьме, но не открыл её. Он был сербский националист и защищал правоту дела, за которое боролся, тем, что скрыл тайну сербского националистического движения. Я не могу скрыть эту тайну и унести её с собой в могилу... Если бы я скрыл эту правду, ушёл с ней из жизни, как Зиновьев и Мрачковский... то в момент смерти я слышал бы проклятия людей, которые погибнут в будущей войне и которым я своей информацией дал бы в руки оружие против надвигающейся войны»...

¹³ Дедиер, В. Цит. соч., с. 839.

Радеку не дали договорить. Что он имел в виду, до сих пор остается загадкой. Варианты ее решения — из области гипотез.

В романе Мартэн дю Гара «Братья Тибо» в руки некоего революционера по имени Мейнестрель попадают документы, могущие предотвратить войну, но сей персонаж скрывает их потому, что война, по его мнению, будет способствовать революции. Наши комментаторы обвиняли французского романиста в живописании «развесистой клюквы», но, похоже, он был как раз недалёк от истины. Авантюристы Троцкий, Зиновьев и Радек знали о подготовке покушения, знали, чем оно может грозить, и ограничивались лишь тем, что своевременно затыкали уши. Австрия и Германия обвиняли потом сербское правительство, что оно будто бы знало, но не предупредило. Эта версия была позже подтверждена признанием бывшего сербского министра просвещения Л. Ивановича, но лишь в той части, что до премьер-министра Пашича дошли слухи о переходе границы группой вооружённых лиц и об их целях, но кто именно шёл — известно не было. Об этом могли бы подробнее рассказать Троцкий с компанией — ведь их друг Гачинович находился в постоянном контакте с Иличем и Принципом, эти имена могли быть своевременно преданы гласности, но — мы не доносчики! Что вы говорите? Погибнут миллионы людей? Повторяю, извините, мы не доносчики.

Они сохранили тайну. Но может быть, им и владеть ею было не положено, и именно поэтому Черина собирался убить Гачиновича? Может быть, тайна потом использовалась против кого-то как оружие шантажа? Против кого?

Если подозревать масонов, то тайны вроде нет. Ведь сараевские обвиняемые назвали Танкосича. Однако всё не так просто.

Во-первых, выдуманно следующее хитроумное объяснение: Чабриновичу подал мысль свалить всё на масонов, чтобы снять ответственность с Сербии, адвокат, находившийся под влиянием иезуита Пунтигама. Ну а отношение иезуитов к масонам известно. Так, компрометируются показания обвиняемых, хотя, если подумать, трудно выгородить Сербию, называя Танкосича, — подобный способ кажется явно неудачным, кивок на международных революционеров типа Гачиновича выглядел бы в этом плане более эффективным.

Во-вторых, масоны вообще отрицают принадлежность Танкосича к их клану. В. Дедиер делает невинные глаза и вопрошает: почему бы масонам признавать Иовановича Чупу и отречься от Танкосича¹⁴, хотя совершенно ясно почему: Иованович погиб ещё в балканскую войну, а Танкосич по уши увяз в сараевском деле.

Серьёзнее звучит другой вопрос: не скрыли ли обвиняемые настоящих подстрекателей?¹⁵ О масонах-то они говорили, а вот о своей поездке в Швейцарию в 1913 г. Илич говорить отказался, равно как и о встречах с Шарацем, который тоже представляется довольно двусмысленной фигурой. Именно он, по словам его биографа Д. Славича, предложил устроить покушение на Франца Фердинанда на встрече босняков в одном белградском кафе 31 марта 1914 г. Он же обставил прием Чабриновича

¹⁴ Дедиер, В. Цит. соч., с. 777.

¹⁵ Там же, с. 575.

и Принципа в тайное общество мистическим церемониалом, не то масонским, не то разыгранным под масонов. Он достал оружие у Танкосича и обучал террористов стрельбе; 15 июня Апис созвал руководство «Черной руки» и сообщил о подготовке покушения. Поскольку почти все высказались против, Апис послал Шараца в Сараево вдогонку, чтобы приостановить дело. В Сараево Шарац встречался с Иlichem. И, наконец, когда Танкосич погиб, хоронил его опять тот же Шарац. Хотелось бы уточнить, где находился Шарац в самый момент гибели Танкосича, а то как-то здорово он везде успевал.

Итак, создаётся впечатление, будто сараевских судей прямо-таки умышленно наводили на масонский след, пользуясь их известной падкостью на эту дичь, и сбивали с другого, ведшего к Гачиновичу и Шарацу, а ведь масонский след, повторяем, вёл именно в Сербию. Разыскивая виновных, можно поставить традиционный вопрос: Кому принесла выгоду Первая мировая война?

Для современного советского читателя¹⁶ слово «масоны» не наполняется почти никаким реальным содержанием, разве что смутно напоминает о похождениях Пьера Безухова. Это делает необходимым перевод этого слова на язык марксистской терминологии. Английский и французский империализм — уже вроде бы звучит понятнее. Но кто такие эти пресловутые империалисты, хозяева крупнейших банков и концернов, и выполняющие их волю политические деятели? В США, Англии и Франции большая

¹⁶ Книга была написана в 1974 году. Спустя несколько лет и для советских читателей раскрутил масонскую тему Н. Н. Яковлев в своей работе «1 августа 1914 года».

часть их принадлежит к масонским ложам. Как указывает граф Э. Ревентлов, «все выдающиеся личности, ведущие министры, а частично и правители стран, сражавшихся против центральных держав, были масоны 33-й степени» по шотландской иерархии. Духовными центрами шотландского масонства являются Англия и США. Его цель — мировое господство англосаксов и управляемого ими мирового капитализма, шотландское масонство — наиболее ярко выраженное антицерковное и антимонархическое направление в масонстве.

Существует версия, согласно которой масоны — всего лишь еврейская агентура среди неевреев. Такое толкование не совсем верно. Масонство возникло не в еврейской, а в англо-шотландской среде, и в XVIII веке вопрос о приёме евреев в масоны служил предметом бурных разногласий и даже причиной раскола. Но по мере того, как в масонстве всё меньшую роль стала играть аристократия, а всё большую — буржуазия, расхождения сгладились. Сегодня в англо-саксонских странах и во Франции еврейские капиталисты — часть правящей элиты, спаянной узами масонства, этого, по выражению Бакунина «Интернационала буржуазии». Сионистско-масонский блок — историческая реальность нашего времени, но нельзя забывать, что блок этот формировался с большим скрипом, и в будущем не исключена возможность его развала из-за противоречий между интересами национальной буржуазии вышеупомянутых стран и их сионистскими союзниками. Масонскому блоку противостояли монархические государства, которые нужно было сравить между собой, вызвать крушение существовавших в них режимов «во имя прогресса» и привести там к власти

своих людей. Этого удалось достичь, но торжество масонов оказалось кратковременным — Россия вышла из-под контроля уже через несколько месяцев, а Германия — через несколько лет.

Плоды войны пожали наряду с масонами и революционеры. И не странно ли, что те и другие замешаны в сараевском деле? То ли они работали вместе, то ли стремились перехитрить друг друга, свалить вину с одного на другого — неясно. На их взаимоотношениях и впоследствии лежала печать какой-то неопределённости: они то соперничали, то вступали в союз друг с другом. Может быть, перед нами артисты, яростно поражающие друг друга картонными мечами, а может быть, настоящие конкуренты. Не должна упускаться из поля зрения и такая, на первый взгляд, фантастическая возможность, что уже тогда, в период сараевской провокации, было заключено какое-то негласное соглашение о разделе сфер влияния в будущем, может быть, именно эта тайна и хранится с такою тщательностью. А Черина мстил Гачиновичу за другое: за то, что он превратил югославское освободительное движение в орудие международных авантюристов, которым было наплевать на сербов и босняков (на что, очевидно, и намекал Радек). О действиях тех же самых людей четыре года спустя в период борьбы вокруг Брестского мира А. Н. Толстой писал: «Им нужно было взорвать советскую Россию, чтобы от этой чудовищной детонации взорвался мир. А впрочем, и мир был для них тем же полем для личных авантур и игры честолюбий. Провокация и предательство были их методом борьбы»¹⁷.

¹⁷ Толстой, А. Н. Хлеб. — М., 1950. — С. 23.

Хотелось бы подчеркнуть, что хотя война создала благоприятные возможности для всех революционеров вообще, нельзя воспринимать последних как нечто единое. Если масоны Гучков и Керенский были прямыми агентами англо-французского империализма в России, то с приходом к власти большевиков ситуация осложнилась. Как известно, К. Маркс находился с масонами во враждебных отношениях и, в порядке соблюдения традиции, приём масонов в Коминтерн был запрещён. Значит, масонам приходилось искать какие-то окольные пути для засылки своей агентуры в ряды большевистской партии, а такую агентуру они, безусловно, имели, и с этой точки зрения особый интерес представляют связи Троцкого, с одной стороны, и масонов, с другой, с сараевским делом. Не явились ли Троцкий и его присные именно такой агентурой?

На Троцкого разрешалось вешать каких угодно собак, поэтому странно, что эта сторона его деятельности не выплыла наружу, хотя практически чистки 20, 30, 40-х годов ликвидировали, судя по всему, как раз масонскую агентуру. Возможны два объяснения. Остальные руководители партии знали о принадлежности Троцкого к масонам, но, до поры до времени, по каким-то своим соображениям, смотрели на это обстоятельство сквозь пальцы, делая вид, будто его не существует. Второй вариант: к масонскому клану принадлежал ещё кто-то из видных деятелей партии, впоследствии канонизированных. Поневоле вспоминаются переданные Горьким слова Ленина: «С нами, а не наш», — сказанные о Троцком и ещё о каком-то крупном человеке, умершем вскоре после Ленина. Область предположений, конечно, сфера туманная, но область фактов даёт нам следующие

намёки: в период Брестского мира и позже, во время профсоюзной дискуссии, на стороне Троцкого против Ленина активно выступал Дзержинский; оставшие левые эсеры, так же, как и Дзержинский, противники Брестского мира, держат его у себя, но почему-то не расстреливают; потом Дзержинский совершает невероятное путешествие в Швейцарию, якобы за женой; потом происходит провокационное покушение Каплан, которую моментально убирают, как Богрова, и начинается дикий террор против людей, не имеющих к этому событию никакого отношения. Кому было нужно снова втянуть Россию в войну? Кому было нужно истребление русской интеллигенции? Трудно предположить, чтобы это нужно было новому государству, которое уже ставило перед собой задачи строительства.

Не роль масонов в сараевском убийстве, а связь масонов с будущими лидерами социалистической революции — вот та сфера, где «мрак неизвестности» сгущается до какой-то абсолютной черноты. Советские исследователи этой темой, естественно, не занимаются, западные — тоже предпочитают помалкивать. Например, Натан Шуб осмеливается называть лишь незначительную фигуру Скворцова-Степанова, а как доходит дело до лидеров — начинает вилять хвостом и сетовать на недостоверность источников.

Неисповедимыми путями в число символов Советской власти попала пятиконечная звезда — традиционный масонский знак. Она отсутствовала на первых советских гербах, но зато украшала головные уборы бойцов возглавляемой Троцким Красной Армии. А сегодня рядовой советский зритель с величайшим изумлением и недоумением смотрит

в кино на пятиконечные звезды на крыльях американских бомбардировщиков...

Сараевское убийство было использовано военной партией в Австрии, возглавляемой генералом Конрадом, в качестве предлога для вождельной превентивной войны против Сербии. 23 июля австрийцы предъявили Сербии ультиматум. И хотя по совету русского правительства, Сербия проявила максимальную уступчивость, 25 июля австрийский посол с рекордной поспешностью объявил о разрыве дипломатических отношений. Австрия требовала, в частности, участия своих представителей в расследовании на территории Сербии, поскольку уже открылась роль Танкосича и Цигановича. Сербы вынуждены были посадить Танкосича в тюрьму, а Цигановичу устроили побег. Существование «Черной руки», осведомлённость Пашича — все эти факты стали известными позже, тогда же сербы всеми силами старались их скрыть, поэтому допустить посторонних расследователей они, конечно, не могли. Самое искусственное государственное образование в Европе легче всего поддавалось на провокацию, пойдя на самоубийственный шаг. Австрийская политика давно уже отличалась крайним авантюризмом, и Бисмарк пророчески советовал поддерживать равновесие на Востоке, т. е. союз с Россией, «чтобы не пришлось расплачиваться немецкой кровью за балканскую политику Вены». Но наследники Бисмарка не обладали его политической мудростью, поэтому цепную реакцию остановить не удалось. Как пишет С. Фей, выявилось всё зло системы союзов. «Ни с той, ни с другой стороны ни одна держава не соглашалась протянуть руку, чтобы удержать сво-

его союзника или друга, опасаясь этим расстроить союз или державу»¹⁸.

Поддержка Россией Сербии трактовалась у нас в 20-е годы как «разжигание сербского национализма». Пресловутый М. Покровский доходил до того, что называл сараевское убийство провокацией русского главного штаба. Версию Покровского с радостью подхватил нацистский историк Г. Юберсбергер¹⁹. Бывший русский атташе в Белграде полковник В. А. Артамонов в разных органах печати трижды опровергал после войны своё участие. Но главное, конечно, не голословные опровержения, а то, что когда советская власть опубликовала документы из архива царской власти... ни один документ никоим образом не подтвердил тезис²⁰ об участии русских официальных представителей в сараевском заговоре. Советский историк С. Полетика, автор книги о сараевском убийстве, излечился впоследствии от покровщины и назвал истинный источник клеветы: уже упоминавшегося русофоба Виктора Сержа и барбюсовскую группу «Клартэ».

Заместителем Артамонова был А. И. Верховский, будущий военный министр Керенского, а потом красный генерал. Один знакомый Верховского, археолог Тридвар-Буржинский, издал за границей мемуары, согласно которым Верховский говорил, будто это покушение организовал Артамонов. Но Верховский мог просто в порядке прислужничества к новому режиму поддакивать официальной версии. Доживи до других времён, он столь же от-

¹⁸ Фей, С. Цит. соч., т. 2, с. 242.

¹⁹ Виноградов, К. Б. Буржуазная историография Первой мировой войны. — М.: Соцэкгиз, 1962. — С. 164.

²⁰ Дедиер, В. Цит. соч., с. 764.

вергал бы её, как и Полетика. В сараевском вопросе школа Покровского шла на прямые фальсификации. Например, утверждалось, будто полковник Дмитриевич разоблачил роль русских военных агентов в этом деле. В действительности Апис рассказал в рапорте от 10 апреля 1917 года о совместной работе с Артамоновым по организации шпионской сети в Австро-Венгрии, но специально оговорил, что о покушении Артамонов не знает²¹. Дедиер зачем-то намекает, что русское Временное правительство активнее всех вмешивалось в 1917 году с просьбой помиловать Аписа, якобы потому, что Верховский был военным министром Керенского, но это неверно — Верховский занял этот пост лишь после корниловского выступления, а Апис был расстрелян в июне 1917 года.

28 июля Австрия объявила войну Сербии. Дальнейший ход цепной реакции зависел от действий России.

Конечно, в России имелось ещё много славянофилов старого толка, не затронутых леонтьевским скептицизмом, но самые ярые славянофилы, оказывается, сидели во Франции. Например, французский военный министр Мильтеран в разговоре с русским военным атташе Игнатьевым ещё в декабре 1912 года грубо требовал от России отказа от занятой ею осторожной, выжидательной позиции в конфликте между Австро-Венгрией и Сербией²². А в июле 1914 года в Россию примчался сам Пуанкаре, открыто признавшийся перед тем, что «направляется в Петербург с намерением толкнуть русских на войну»²³.

²¹ Дедиер, В. Цит. соч., с. 685.

²² Игнатьев, А. А. 50 лет в строю. Т. 1. — М.: Воениздат, 1986. — С. 502–503.

²³ Из воспоминаний бывшего французского посла в Петербурге Ж. Луи. Цит. в кн. К. Б. Виноградова, с. 99.

Но не так просто было толкнуть Россию. В ней имелись достаточно мощные силы, способные противодействовать подобным толчкам. На антивоенных позициях объединялись самые разные люди, даже те, кто в остальных вопросах относился друг к другу враждебно.

Во-первых, решительным противником войны являлся П. А. Столыпин, придерживающийся лозунга «мир, во что бы то ни стало». Линия, намеченная им, состояла в том, чтобы любой ценой избежать открытого столкновения с Германией²⁴. Но Столыпин был уже давно мёртв — он пал в сентябре 1911 года от пули анархиста и, по совместительству, полицейского провокатора Богрова, выходца из богатой еврейской семьи, которому кто-то услужливо объяснил, что Столыпин — самый вредный для России человек. Не тем ли, в особенности, и был вреден Столыпин, что удерживал Россию от войны? Другой противник войны, бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в письме к царю «назвал войну роковым безумием для России и предсказал все дальнейшие события, чуть ли не до большевизма включительно»²⁵. Буквально, Дурново писал в феврале 1914 года следующее: «Борьба между Германией и Россией, независимо от её исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон, как, несомненно, сводящаяся к ослаблению мирового консервативного начала». Война вызовет революцию, но политическая революция в России не-

²⁴ Бестужев, И. В. Основные аспекты внешней политики России накануне июльского кризиса / В сб.: Первая мировая война. — СПб. — С. 83.

²⁵ Курлов, П. Конец русского царизма: воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. — М.; Пг.: Гос. издательство, 1923. — С. 169.

возможна, и всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое»²⁶.

Против войны выступил и бывший премьер С. Ю. Витте, но слишком сильная неприязнь между ним и Николаем II мешала ему обратиться к царю непосредственно, и он принуждён был изыскивать окольные пути. Роковым летом 1914 года он говорил в частной беседе, что есть лишь один человек, который мог бы помочь в данное время и распутать сложную политическую обстановку²⁷.

Человеком, которого имел в виду Витте, был Григорий Распутин. Но Распутин в далёком Тобольске оставался прикованным к постели после тяжёлой раны в живот, которую ему нанесла психопатка Хиония Гусева, подосланная его политическим противником, иеромонахом Илиодором²⁸, опять как-то уж очень своевременно. Распутин потом сам сетовал: «Коли бы не та стерва, что меня пырнула, был бы я здесь и не допустил бы до кровопролития... А тут без меня всё дело смастерили всякие Сазоновы да прочие министры окаянные»²⁹.

Дело действительно смастерили.

В незавидной роли главы военной партии в России выступал Великий князь Николай Николаевич, женатый на Анастасии — дочери черногорского князя. «Визит Пуанкаре, — писал американский ис-

²⁶ Семенников, В. П. Политика Романовых накануне революции. — М.; Л.: Гос. издательство, 1926. — 247 с.

²⁷ Дневник Б. Великого Князя Андрея Владимировича. — М.-Л. — С. 87.

²⁸ Путь Илиодора от «черносотенства» к «Ку-клукс-клану» был вовсе не таким прямым, как полагают некоторые. В промежутке — борьба с Распутиным и попытка организовать «красную церковь» в первые дни Советской власти.

²⁹ Вильтон, Р. Последние дни Романовых. — Берлин, 1923. — С. 43–44.

торик С. Фей, — чрезвычайно усилил влияние военной партии в России, возглавляемой великим князем; это партия желала, чтобы Сазонов занял более агрессивную позицию, и постоянно пыталась оказать давление на миролюбивого царя»³⁰.

После австрийского ультиматума министр иностранных дел С. Д. Сазонов провёл совещание с начальником генерального штаба Н. Н. Янушкевичем и предложил принять подготовительные меры к частичной мобилизации русской армии. Но военные доказывали «бессмысленность» частичной мобилизации с якобы профессиональной точки зрения и требовали всеобщей. На этой почве на заседании Совета министров 25 июля в присутствии царя произошло столкновение между Сазоновым и Николаем Николаевичем. Царь, в принципе, одобрил частичную мобилизацию потому, что великие державы могли провести у себя частичную мобилизацию, не доводя тем самым до войны. Это в течение предшествующих лет несколько раз имело место в Австрии и России³¹.

27 июля царь направил Сазонову письмо о передаче конфликта на рассмотрение созданного в своё время по русской инициативе Гаагского трибунала. «Может быть, ещё не упущен момент, пока не произойдут непоправимые события, — писал царь. — Я ещё не потерял надежду на мир». «Это письмо царя, — указывает С. Фей, — является одним из многих доказательств его искреннего желания использовать все средства для сохранения мира, но Сазонов

³⁰ Фей, С. Происхождение мировой войны. Т. 2. — М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. — С. 178.

³¹ Там же, с. 307.

не обратил на него внимания. Вместо этого он рассчитывал запугать Австрию»³².

Сазонов стал явно поддаваться давлению военной партии, которое усилилось с возвращением в Петербург срочно вызванного из инспекционной поездки по Кавказу генерал-квартирмейстера русской армии Ю. Н. Данилова. 29 июля Янушкевич отправился в Петербург и убедил царя подписать указ об общей мобилизации. Вечером того же дня начальник мобилизационного отдела генерал Добро-рольский прибыл на центральный телеграф, чтобы разослать повсеместно телеграммы. Но вдруг, около 9:30 вечера Добро-рольского вызвал к телефону Янушкевич и приказал задержать телеграммы. Оказывается, царь передумал и дал распоряжение изменить общую мобилизацию частичной. Янушкевич звонил на телеграф в полнейшем отчаянии. Перед этим он тщетно пытался отговорить царя от перемены решения. 30 июля он снова пытается переубедить царя по телефону, терпит крах и добивается лишь согласия на приём привлечённого в помощь Сазонова. Тогда Янушкевич стал заклинять Сазонова, чтобы он обязательно добился от царя нового согласия на общую мобилизацию. «После этого, — сказал он, — я уйду, сломаю телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположного приказа в смысле новой отмены всеобщей мобилизации»³³.

³² Фей, С. Происхождение мировой войны. Т. 2. — М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. — С. 273.

³³ Фей, С. Цит. соч., с. 301. Аналогичный случай произошёл во время роспуска I Думы. Опасаясь, как бы царь не отменил своё решение,

Сазонов застал царя бледным и возбуждённым. «Подумайте об ответственности, которую вы мне советуете взять на себя, — отбивался царь, — подумайте о тысячах людей, которые будут посланы на смерть». «Почти в течение часа, — пишет С. Фей, — царь, руководимый твёрдым желанием во что бы то ни стало избежать войны, не решался принять меры, которые, как он ясно понимал, должны были ускорить катастрофу, если даже они и являлись необходимыми с военной точки зрения». Но, как видно, желание всё же не было достаточно твёрдым, чтобы противостоять мощному нажиму. Вырвав, наконец, вожделенный приказ, торжествующий Сазонов позвонил Янушкевичу: «Теперь вы можете сломать свой телефон. Отдайте ваши распоряжения, генерал, и затем исчезайте на весь день»³⁴.

В 1918 году революционные солдаты арестовали Янушкевича и повезли в Петроград, но не довезли — убили по дороге. Возможно, генерал взывал тогда к Богу о помощи. Но Бог сломал свой телефон...

Любопытно, что наибольшую настойчивость в отстаивании общей мобилизации проявлял не Сухомлинов, военный министр, а Янушкевич. Янушкевич сделался начальником генерального штаба, по словам преемника Сухомлинова, генерала Поливанова, «неожиданно для себя и для всей нашей армии»³⁵.

Горемыкин приказал ни в коем случае не будить себя, даже если за ним пришлют из дворца.

³⁴ Там же, с. 302.

³⁵ Поливанов, А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. Т. I. — М.: Высший военный редакционный совет, 1924. — С. 146.

Собственно, неожиданность объяснялась довольно просто: Николаю Николаевичу нужен был в армейских верхах верный человек, чтобы укрепить своё положение, пошатнувшееся после назначения Сухомлинова военным министром, и создать этим противовес противнику. Инструментальную роль Янушкевича ясно показывает Курлов, называя его главным недостатком «робость перед великим князем»³⁶. Поведение Янушкевича в критические июльские дни Сухомлинов характеризует следующим образом: «Если... теперь оказывается, что помимо меня, начальник генерального штаба собирается пустить в ход общую мобилизацию вместо частичной, то для меня это новость — обстоятельство, искусно скрытое в своё время. Янушкевич был умный и осторожный человек — самостоятельно решиться на такое преступное дело он не мог. Нет никакого сомнения, что им руководило лицо, имевшее такое исключительное влияние на государя, что Янушкевич ничем не рисковал»³⁷. Лицо, о котором идёт речь, разумеется, великий князь Николай Николаевич.

Такова история русской мобилизации, которую кое-кто объяснял потом главной причиной мировой войны. Вспомните хотя бы, как бурно разглагольствовал на эту тему Жак Тибо в уже упоминавшемся романе Мартен дю Гара. С литературного персонажа спрос невелик, но профессиональным историкам пора бы отвыкнуть возлагать ответственность за войну на какую-то одну сторону, будь то Россия или Германия, Франция или Англия. Теорию «зачинщика»

³⁶ Курлов, П. Конец русского царизма: воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. — М.; Пг.: Гос. издательство, 1923. — С. 198.

В. И. Ленин в своей работе «Крах II Интернационала» называл самой примитивной из всех. Никаких «зачинщиков» не существовало. Была весьма неустойчивая система, рухнувшая в результате провокации, устроенной не какой-то одной страной, а агентами двух тайных международных организаций, которые потом, как всегда бывает в подобных случаях, громче всех орали «держи вора!», указывая на поверженных врагов и друг на друга.

Конец ознакомительного фрагмента книги.

³⁷ Сухомлинов, В. А. Цит. соч., с. 227.